

16+

Майкл Дискейн
СПУТНИК СВЯЗИ

Майкл Дискейн

СПУТНИК СВЯЗИ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дискейн М.

Спутник связи / М. Дискейн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Игорь, несколько отчуждённый от внешнего мира студент, мечтает создавать миры, в которых всё было бы не так, как здесь. Не лишённый воображения, герой почти заканчивает свой роман... но он не мог и представить, куда может завести фантазия вместе с отчуждением от реальности. Внезапное сообщение от бывшей девушки, странные сны и удивительные озарения - всё это сплетается в нечто единое на грани действительности... и герою необходимо разобраться во всём этом.

Содержание

Глава 1. Дети сингулярности	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Майкл Дискейн

Спутник связи

Глава 1. Дети сингулярности

Закаты пропитаны грустью. Потому что каждый раз, провозжая его, думаешь: каким ни был, удачным или неудачным, день – это мой день, и он уходит навсегда.

(с) Эльчин Сафарли

Услышать голоса со звёзд... я смотрел на ночное небо и мечтал. Я был уверен, что стану красивым, умным, смелым – таким, как мой отец, хотя я никогда его и не видел...

Я мечтал, что обязательно стану космонавтом. Мне было одиннадцать. Время, когда кажется, что ничего невозможного нет, когда кажется, что мир прекрасен и приветлив – только руку протяни, и он посвятит тебя во все свои тайны, объяснит всё то, что кажется неясным, из-за чего взрослые на протяжении всей жизни ломают голову.

И на самом деле всё окажется так просто, что ты даже рассмеёшься. Ты рассмеёшься и, полный счастья, побежишь на кухню к маме, чтобы открыть ей простую истину, чтобы и её сделать счастливой. Навсегда. Её лицо станет светлее, она удивится, почему до сих пор не добралась до той мысли, что открылась тебе... Однако мир не реагирует на протянутую тобой руку. Ты смотришь на звёзды, обещая себе и Вселенной, что сделаешь однажды такое, от чего весь мир перевернётся. И не только твой мир – мир всех. В новом мире все будут улыбаться.

Мне было одиннадцать.

Помню, как вздрогнул, когда огненный шар по диагонали разрезал иссиня-чёрное небо – и все звёзды померкли, – когда он падал с востока на запад, прямо на меня, оставляя за собой красно-оранжевый шлейф, после которого, казалось, уже не может быть никакой жизни и никакого счастья. Я дёрнулся, чтобы побежать в сторону дома, но замер. Я понял, своим одиннадцатилетним разумом понял, что не успею что-то изменить.

Я смотрел на приближающийся огненный шар, издававший яростное, громовое шипение, и в тот момент я задался вопросом: может ли погибнуть всё это – зелёные поля и леса, близкая река, мой дом? Мог ли кто-нибудь на звёздах разозлиться на нас? Но за что? Мы никому не причинили зла... мы часто ошибаемся, но ведь мы не злые, нет...

Да, мне было одиннадцать, а всё это прокручивалось в моей голове перед – как мне тогда казалось – концом всего. Я не думал, что будет потом. Я вспомнил о маме, ждущей меня, и понял, что слеза не успеет скатиться по лицу.

Разумеется, небесный гость не упал ни на меня, ни на наш дом, ни на поле, с которого я каждый вечер лицезрел закат. Он приземлился за рекой и, как оказалось позже, достаточно далеко от меня. Оказалось также, что это был вовсе и не шар, да и не то, чтобы он весь был из огня...

Из-за взрыва я потерял почву под ногами и некоторое время находился в оглушённом состоянии. Через минуту снаружи, где-то издали, в мой мир начали вторгаться звуки: слабый вой какой-то сирены, пищащие гудки машин. Я встал на ноги и смотрел на большой костёр за рекой.

«Неужели...» – успел было подумать я, как вдруг услышал сзади шуршание и шаги. Я обернулся быстрее, чем сам мог помыслить. Ко мне шёл кто-то в белом скафандре, а за ним,

по траве, на несколько метров тянулась чёрная ткань, выглядящая в полумраке, как тень какого-то чудовища. Фигура остановилась.

Я стоял как вкопанный и просто смотрел в чёрное зеркало шлема. Так продолжалось, наверное, с минуту. Упавший с неба, казалось, изучал меня. Мы разглядывали друг друга и не двигались. Страх не было, как ни странно. Наконец фигура ожила – я всё так же стоял на месте. Некто в скафандре стал возиться, откручивать, отцеплять, и через несколько секунд что-то упало с его спины (это был сброшен уже ненужный парашют – та самая чудовищная тень). Он медленно подошёл ко мне.

Я напряг кулаки и, казалось, был готов к чему угодно. Фигура наклонилась и села на одно колено, так, что шлем скафандра оказался на одном уровне с моей головой. За чёрным стеклом не было видно ничего, никакой жизни, никакого движения. Но вот пришелец поднял руки – и шлем со щелчком был снят.

Это человек. Где-то глубоко внутри я почувствовал великое облегчение. Никогда раньше я не мог представить, что лицо человека, которого я вижу впервые в жизни, может быть таким приятным... и даже дорогим. Это был человек.

– Испугался? – спросил астронавт, улыбувшись уголками губ. У него была чёрная борода и голубые глаза, которые источали какой-то необычный свет. Словно то был свет иных миров. «Кто знает, откуда он прилетел?» – подумалось тогда мне.

– Нисколько... – произнёс было я, опустив взгляд, но вдруг посмотрел прямо в глаза незнакомцу и сказал: – испугался.

– Так или иначе, моя консервная банка никому не навредила... если не ошибаюсь, – ответил мужчина, вставая во весь рост. – Я не должен был приземлиться таким образом, – начал объяснять он, будто я у него что-то спрашивал, – но знаешь, бывают моменты, когда всё идёт не так, как ты ожидаешь... впрочем, ты наверняка уже это уяснил. Выглядишь вполне взрослым человеком.

Не стану скрывать, что от этих слов, сказанных незнакомым взрослым (да ещё и лётчиком-астронавтом) я почувствовал себя важным; кем-то: не только лишь подростком, грустящим о небе. Я напустил максимально важный вид и серьёзно смотрел прямо на мужчину. Однако не утерпел и всё же спросил не самым уверенным голосом:

– А вы... откуда?

– Откуда прилетел? – усмехнулся мужчина. – Я... – но его прервал какой-то шум, издающийся из шлема, который он держал в левой руке. Это было похоже на белый шум радиоэфира. Можно было различить также строгий голос, бормочущий, однако, что-то несвязное (мне так казалось). Астронавт нажал какую-то кнопку и звук пропал.

– Я прилетел из таких мест, о которых ты, наверное, и не слышал, – продолжил он, будто ничего и не произошло. – Там всё не так, как здесь, дома, – он посмотрел на звёзды, и я вместе с ним.

– Красиво, – тихо сказал я.

– Да.

– А там... там хотя бы есть звёзды? – спросил я, только через секунду поняв, что сморозил какую-то чушь. Но мой собеседник серьёзно посмотрел на меня.

– Хороший вопрос. Знаешь, там очень темно – иногда кажется, будто кто-то или что-то мешает свету озарить тьму...

– Как в Чёрной дыре! – воскликнул я и тут же виновато понурил голову.

– Да, почти, – на удивление серьёзно сказал астронавт. – Как тебя зовут? – неожиданно добавил он спустя мгновение.

– Марк... – неуверенно ответил я и собрался было задать такой же вопрос, но мужчина вдруг обернулся назад.

Там была моя мама. Вид у неё был взволнованный. Мягко говоря. Она глядела со страхом и недоумением то на человека в скафандре, то на меня.

– Мама? – спросил мужчина, повернувшись ко мне.

Я кивнул, глупо улыбнувшись. Зачем-то.

– Красивая, – произнёс тот.

– Да.

Затем я твёрдым голосом добавил, посмотрев вверх:

– Когда-нибудь я узнаю, что скрывает Чёрная дыра, обещаю.

До сих пор в деталях храню в памяти эту до невозможности странную сцену.

... Игорь перечитывал эти строки ещё и ещё и всё никак не мог понять, чего же им не хватает. Эти три страницы он написал почти с первого раза, но, как часто бывает, написав что-то и восхитившись своим трудом, ты, чуть позже, понимаешь, что всё не так уж здорово. Вроде бы и надо что-то менять, редактировать – так подсказывает здравый смысл, холодно оценивающий текст, когда эмоции отходят на второй план; но, в то же время, будет ли честен тот текст, который ты пропустил через тяжёлый, неумолимо правильный фильтр разума, который уже не содержит в себе полного спектра чувств, что испытывал ты в *тот самый момент*

Игорь отхлебнул чаю из своей пол-литровой кружки и, посмотрев секунд двадцать на потолок, решил, что к судьбе первых страниц он вернётся как-нибудь в другой раз. Который раз...

Он медленно, аккуратно встал, опираясь о край стола и потрепал правой рукой свои тёмно-русые волосы (немытые третьи сутки), от чего внешним видом стал походить на такого подростка нулевых, беспечного, свободного, независимого, бездомного в душе. Но никто его не видел. За исключением рыжего кота по кличке Персик, странно поглядывающего на своего хозяина с высот серо-зелёного дивана.

– Не смотри на меня так, – бросил ему Игорь и потянулся за костылём. Он почувствовал себя увереннее, как только оружие его ежедневной борьбы с жизнью оказалось на своём месте. Он прошёл на кухню, куда его уже три раза зазывала надоедливая, но незаменимая микроволновка. Позавчерашняя пицца – что может быть лучше? Он налил себе ещё чаю и отнёс в комнату, затем то же повторил с тарелкой пиццы. Всё это Игорь проделывал машинально; мыслями же пребывал в ином мире, которому суждено было стать единой, потрясающей разум историей. История эта будет интереснее самой реальности. Игорь верил, что его читатели будут по-настоящему ему благодарны. Ведь в его истории будет всё, чего так ищут многие в нашей жизни... ищут в глубине души, конечно; быть может, даже не желая отдавать себе в этом отчёта. Ответы на тайны мироздания, на загадки человеческой души... верность, понимание и любовь, способная преодолеть пространство и время.

Все смеются над этим, над «наивностью», которая, якобы, должна была остаться в тумане прошлого вместе с детством и мечтами. Все они живут в обмане, абсолютно все; они мило, но в то же время скептически улыбаются, когда речь заходит о милосердии, детском добродушии, «настоящей» любви. Они не верят в это. Зачем? Ведь у них есть реальность, суровая, серая, жестокая, но зато всё-таки *реальность*. Абсурдно, но мало кто, кажется, в силах предположить, что, возможно, реальность сурова и жестока лишь от того, что именно мы смотрим на неё так... равно как и на всё остальное.

Глупостью называют веру в исцеляющую силу любви, а тех, кто в свои двадцать или двадцать пять лет не может уснуть ночами от того, что думает о любви, – называют наивными людьми, которые «просто не познали жизнь, не столкнулись лбом с реальностью» или «просто бегут от реальности, потому что не хотят принять её жестокость»... Вздор! Как вышло, что именно это – *common sense*? Тогда как, в сущности, всё не так. Если посмотреть с другой стороны, то оказывается ведь, что именно «наивные» люди – сильнее. Можно ли объяснить это?

Каждый был ребёнком когда-то, и каждый верил в чудо. Люди и не вспоминают, что в детстве всё казалось светлым и простым, что в душе их жила вера во *всевозможность*, в исполнение заветных желаний. Ведь каждый хотя бы раз засматривался на небо и думал «всё так прекрасно... и зачем столько зла от людей?.. я никогда не стану злым». Справедливо, что, вырастая, человек выбрасывает всё это под «тяжестью мира», «смиряется с действительностью».

Но это лишь жалкое оправдание! На деле он просто слаб, он прикрывается реальностью, потому что не в силах бороться за то, что считал священным; он оправдывает действительностью свою трусость (а что может быть сквернее трусости?), он глубоко, тяжело обманул себя и слился с течением, потому что так всего-навсего легче жить.

Именно такие мысли крутились в голове Игоря, когда он сидел с кружкой чая за столом и всматривался в пустоту. Наконец глаза его прояснились, и он с некоторым даже удивлением осмотрелся. Конечно же, чай уже остыл. Как и пицца.

– Вот чёрт... – вздохнул он и стал жевать остывший кусочек, тут же подумав, что хорошо было бы записать хотя бы часть мыслей, посетивших его только что.

Такие путешествия в собственном сознании были для него не редкостью. Часто бывало, что, даже выполняя какое-нибудь дело, он вдруг ловил анабиоз и застывал на месте, не в силах остановить поток мыслей, уносящих его очень далеко. Приходя в себя, он всякий раз укорял себя за то, что теряет время на мысли, от которых никакой пользы. Тем не менее, подобные волны всякий раз накрывали его с головой, и, если никого нет рядом, то он может находиться в таком состоянии довольно долго.

Он открыл страницу 254, на которой пока что оканчивался его роман, и стал вглядываться в текст, пристально, высматривая каждую букву, будто бы любая из них могла обернуться чем-то другим, открыть какой-то новый смысл, обнаружить портал в другую Вселенную.

Именно тогда он и принял это решение. Именно в тот момент, когда она стояла спиной к нему, смотрящая в космическую даль, черноту иллюминатора, и просто молчала, не отвечая на его слова.

Марк знал, что её молчание – и есть ответ, и что единственный верный выход из этой ситуации, который может принять мужчина, – оставить женщину в покое и выйти из её комнаты. Всякий раз, ещё с детства, обдумывая, как поступить в том или ином случае, он спрашивал сам себя: «Что бы сделал настоящий мужчина?», и, странно, ответ приходил каждый раз, сам по себе, будто посланный ему свыше. Кто такой настоящий мужчина, и какими качествами он обладает, Марк не смог бы сказать. Он только чувствовал. Слушал себя и поступал так, как должно. Во всяком случае, он до сих пор жив в этом безумном мире, он в здравом уме, а значит, его метод вполне работает.

Это были последние строки. Игорь нажал ENTER, курсор прыгнул на новую строчку... и на телефон, лежавшем слева от компьютера, пришло уведомление, что несколько удивило Игоря.

Как ты там? От тебя четвёртые сутки ни одного сообщения, ты в норме?

То было сообщение от Миши Храмова, старого друга Игоря, первого и последнего. Они переписывались редко, но всё-таки поддерживали отношения; Игорь чувствовал, что рвать одну из последних нитей, связывающих его с детством, было бы преступно и глупо. Да и зачем? Храмов – хороший человек, хотя временами бывает нудный до того, что Игорь иной раз специально по несколько дней не заходит в социальные сети, чтобы только не отвечать на какой-нибудь допрос, по мнению Игоря совершенно бесполезный. Но бывали моменты, когда понять последнего мог только Миша (настолько, насколько вообще человек может понять человека); только он, часто не замечающий каких-то очевидных вещей, в какой-то момент мог взглянуть настолько пронизательно, что другу становилось даже не по себе.

Храмов учился на историческом, и пересекался с братом по гуманитарному цеху (то есть с филологом Игорем) не очень часто. Конечно, если бы Игорь Воронов в последнее время не

стал так отчуждён от всякого взаимодействия с внешним миром, то они бы, пожалуй, виделись чаще. Но Миша не давил на друга, давно поняв, что принудительно в человеке вряд ли можно что-то исправить... да и зачем? Игорь такой, какой есть, и, несмотря на всех тараканов головного мозга, он прекрасный человек. Примерно такого мнения о нём был Храмов.

Спасибо, теперь я снова забыл, что хотел написать, – подумал Игорь с лёгким раздражением, – *и как так вышло, что я не отключил звук на телефоне?*

Так или иначе, момент был слегка попорчен, и раз уж Игорь ничего не написал, то решил ответить на сообщение.

Всё в порядке, – написал он, и тут же следующим сообщением добавил:

Работаю.

Поразмыслив секунду, он добавил ещё три слова:

А ты как

По правде говоря, вряд ли Игорь в это мгновение очень интересовался делами друга, но решил, что так будет хоть сколько-нибудь прилично. Тем более, в нём зародилось предчувствие, что сегодня он больше ничего не напишет, а так хоть, быть может, от Миши будет какой-нибудь анекдот. Тот сразу же прочитал сообщение и быстро настроил:

Да тоже ничего... хотя октябрьская сырость давит

Как всегда

Над чем ты там работаешь? Наверно уж дописал свой роман)). Расскажи, на каком это всё этапе у тебя?

И с учёбой как там, кстати?

Лиза про тебя спрашивала... она не писала тебе?

Четыре вопросительных знака. Сразу. Миша в своём стиле. И на какой из них прикажете сначала отвечать? Игорь всегда старался начинать с первого и заканчивать последним. Была в этой простой логике какая-то еле уловимая вселенская гармония.

Да, пишу. На этапе, когда всё чаще возникает желание бросить затею к чертям. Я достиг кульминации и близок к развязке, говоря по-нашему.

С учёбой никак. Устал.

Не писала.

Храмов ответил не сразу. Игорь даже успел доковылять до кухни и вновь поставить чайник. Вернувшись, он, конечно, увидел новые сообщения.

Ты как всегда, Игорь

Ох уж эти точки

Кульминация? Что-то с Чёрными дырами?

Ты не болен хоть? А то когда ты успел устать? Всё только начинается

Напишу ей, чтоб написала тебе. Пусть сама с тобой свяжется, а то как дети малые

Через две минуты Игорь написал:

Да, Чёрные дыры, мне надо освежить кое-что в памяти про них.

Хокинга думаю немного вспомнить.

Я болен и все мы больны. Жизнь, настоящая жизнь проходит где-то там, за стеной, далеко, а мы – мы в плену разума и пустоты.

Делайте что хотите. Пусть пишет, если хочет.

И ответ снова не заставил себя долго ждать. Игорь улыбнулся. С Мишей у него всегда складывался забавный диалог. Не как со всеми. Впрочем, ко всем не относилась и она... та, что, по словам друга, хотела с ним связаться.

Он закрыл Word и выключил ноутбук. Сегодня уже ничего не напишется.

Храмов же написал ему:

Краткая история времени хотя бы, там было немало, ты сам знаешь

Философ из тебя пока слабенький, избавь себя от этой глупой тоски, ты ведь сам её придумал

И пусть пишет, я только не понимаю, зачем вы втягиваете меня

В диалоге не место третьему

Скажи, в книге твоей хотя бы будет хороший финал?

Игорь усмехнулся и снова принял эстафету разговора:

Хороший финал?) ты ведь знаешь меня.

Я не философ, я – беспечный ангел. И нет у меня той тоски, кою ты имеешь в виду.

Я никого не втягиваю, к слову.

И ответ:

Надеюсь, хотя бы кто-то там останется в живых

Только вот беспечный ангел был из тех, кто просто любит жизнь, а не прячется от неё. И на ангела ты не тянешь, без обид

Знаю, не докапывайся до слов, это я для красоты слога, или как там вы говорите, грамотеи?

Думаю, она скучает по тебе, моё мнение

Игорь:

Зачем ей по мне скучать? У неё есть Лёша. Мне он не нравится, но и не должен. Это нужно ей. Я рад за них.

Хочется верить, что в живых останется автор, а это уже неплохо.

Миша:

Опять романтизация жертвенности сердца, уязвленного любовной тоской.

Кстати, классно сказал

Я молодец, тоже язык подвешен

Перестань изображать благородство, пожалуйста

Ты только один во всём мире умеешь одновременно прикидываться и подлецом, и святошей

Удивительно

Вас многое связывает. Мы все столько лет друг друга знаем, я вижу, что вам двоим есть о чём поговорить

Не будь дураком

Игорь не стал отвечать, отложил телефон. С минуту он обдумывал слова друга, затем шумно выдохнул – будто специально так, чтобы кто-то услышал, хотя слышать мог только кот – и, взяв костыль, снова пошёл на кухню.

Настало время кофе. Почему бы и нет? Одиннадцать часов вечера – в самый раз. Всё самое интересное ещё впереди.

Возможно, подумал Игорь, заваривая кофе, он бы мог хотя бы посмотреть, что у них сейчас проходят... хотя бы по истории литературы. Однако секундой позже он сделал вывод, что это плохая идея, которая только способна привести к ухудшению настроения, и без того не особенно радужного. Игорь вообще не любил таких оценочных фраз как «хорошее настроение» и «плохое настроение», он считал, что настроение подвластно разуму, нужно лишь только прокачать необходимый навык, натренировать мозг. В последнее время перепадов настроения у него просто нет, он существует в каком-то особом мирке, временами скучном и унылом, временами забавном и приятном. К тому же, в мирок его вливались и другие мирки, тоже *его*, но иные, ещё более эфемерные, метафорой ускользающие всякий раз, когда внутренний взгляд напрягался и пытался высмотреть в абстрактной вселенной что-то материальное.

Если ночью не получится уснуть, тогда сяду и накидаю план на новую книгу, подумал Игорь, и на сердце стало чуточку теплее, чем мгновение назад. Когда кофе было готово, он аккуратно, но очень привычными движениями донёс чудодейственный напиток до письмен-

ного стола. Вздыхнув снова так, что бедный кот на диване опять вздрогнул, он взял в руки телефон и заметил мерцающий белый огонёк, говоривший о новом сообщении.

Так он и ожидал. Опять Миша что-то...

Но сообщение было не от него. Увидев на аватаре отправителя до боли знакомое лицо, тут же воссоздав в сознании живой образ его, Игорь открыл мессенджер.

Привет

Я бы наверное и не написала тебе, но Миша...

Думаю он тебе уже что-то наговорил

Неважно

Я хотела узнать как ты

Мы очень давно не разговаривали

И давно не виделись

Когда Игорь перечитал эти строки уже на третий раз, он отметил вопиющую деталь: слишком мало точек для журналиста (их отсутствие), а также пропуск запятой в крайне важном месте! Беспечный студент Воронов справедливо не считал себя образцовым филологом, да и вообще не особо-то филологом, но такое могло вывести его из себя. Но было исключение. Он прекрасно понимал, что такой человек, как Лиза, может ошибаться только в случае, если находится под действием сильной эмоции, волнения, не чувствует контроля над ситуацией. Игорь задумался. С чего бы ей волноваться, пока пишет ему? Тем более сейчас... не два года назад, а сейчас.

Здравствуй, Лиза. Честно, не ожидал сообщения от тебя.

Да, Миша сказал мне, что ты хочешь поговорить со мной. Я могу понять, почему ты сделала это через него. Правда.

У меня всё хорошо, всё прекрасно.

Надеюсь, у тебя не случилось ничего, что бы могло выбить тебя из колеи.

Как учёба?

Как Лёша??

Последнее сообщение Игорь набрал с неприятным ощущением внутри, как будто кто-то ткнул его в сердце тупым ножом; ткнул не сильно, но так, чтобы вполне почувствовать. Однако дублированный вопросительный знак принёс ему какое-то облегчение, смешанное с чувством гордыни и с тем самым ощущением, когда понимаешь, что задел человека, уколол за прошлую, забытую, казалось бы, обиду, но уколол опять же не сильно, а только лишь для понимания. Лиза вряд ли оставит лишний вопросительный знак без внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.